

МОТИВ ТОСКИ «О ХРИСТЕ» В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»

Д. С. Барицкий

Московская духовная академия

Поступила в редакцию 27 сентября 2016 г.

Аннотация: автор статьи придерживается мнения, согласно которому в основе творчества И. С. Тургенева лежат христианские архетипы. Это предположение позволяет говорить о существовании в романе «Отцы и дети» религиозной проблематики. С особой силой она проявляет себя в одном из центральных мотивов творчества И. С. Тургенева — мотиве тоски. Внимание автора статьи сосредоточено на главном персонаже романа, Евгении Базарове. В его образе ощущается неудовлетворенность отсутствием полноценного общения с трансцендентным, вечным, личным началом, которое могло бы наполнить смыслом как его деятельность, так и само существование. На наш взгляд, этот отрицательный опыт имеет религиозные основания и на языке христианской традиции может быть определен как тоска «о Христе». Анализируется сюжетная динамика образа героя, а также те художественные детали, которые явно свидетельствуют о наличии в произведении И. С. Тургенева религиозной перспективы.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, «Отцы и дети», Евгений Базаров, мотив тоски, тоска о Христе, уныние, смысл жизни.

Abstract: the author of the article states that in the basis of creativity of I.S. Turgenev are Christian archetypes. This assumption allows to speak about existence religious problematic in the novel «Fathers and children». With particular force, it manifests itself in one of the Central motives of creativity of I. S. Turgenev — the motive of longing. The attention of the author of the article is focused on the main character of the novel, Eugene Bazarov. In his image there is dissatisfaction with the lack of full communication with the transcendent, eternal, personal beginning, which could give meaning to his activity and existence. In our opinion, this negative experience has a religious base, and in the language of the Christian tradition can be defined as a longing, “of Christ.” The dynamic of the character is examined, as well as those artistic details that clearly indicate the presence in the work of I.S. Turgenev religious perspective.

Keywords: I. S. Turgenev, «Fathers and children», Eugene Bazarov, motive of the longing, longing for Christ, depression, the meaning of life

Долгое время в отечественном литературоведении роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» воспринимался как произведение, которое в первую очередь поднимает проблемы социального характера. Начиная с М. А. Антоновича и Д. И. Писарева, дореволюционные, а вслед за ними и советские исследователи, говоря о центральном конфликте романа, говорили о социально-классовом противостоянии: роман «Отцы и дети» — о столкновении двух идеологий, идеологии «отцов», консервативно и даже ретроградно настроенной части дворянства, и идеологии «детей», нарождающегося революционно-демократического движения.

Действительно, отрицать наличие в произведении социальной проблематики, а также то, что именно она выходит на первый план, было бы странно. Тем более, что сам И. С. Тургенев в своем письме к К. К. Случевскому пишет: «Вся моя повесть направ-

лена против дворянства как передового класса» [1, 58]. И все же сводить все содержание романа единственно к тому, что называется, «на злобу дня», означало бы обеднять его, лишая той вневременной и внепространственной перспективы, которая является непременным атрибутом любого классического произведения.

Впервые со всей ясностью об этом заявил Н. Н. Страхов, а после него, так или иначе, повторяли и многие представители отечественного литературоведения. Все они выступали против того, чтобы ограничивать сферу проблематики «Отцов и детей» исключительно вопросами социально-исторического характера, отмечая при этом, что «конфликт поколений в «Отцах и детях» с поверхности текста переходит во внутренние, глубинные пласты, в сферы нетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них — о сокровенном смысле жизни» [2, 190].

Это не означает, что мы готовы причислить Тургенева к разряду религиозных авторов, таких, как,

например, Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский. Однако мы вполне разделяем мысль, согласно которой «христианское мироощущение к девятнадцатому веку «оказывается усвоенным сознанием русского человека настолько, что начинает уже «работать» и на подсознательном уровне. Христианские мотивы, их комбинации, переходят на уровень архетипов, то есть наделяются свойством вездесущности, приобретают характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве» [3, 175].

Если посмотреть на роман под этим углом, очевидно, что основной движущей силой его сюжета становится тот конфликт, который разворачивается в душе главного героя. На наш взгляд, со всей силой он проявляет себя в той тоске, которой одержим Базаров и которую на языке христианской традиции можно было бы определить как «тоску о Христе».

Отправной точкой наших рассуждений может стать фраза из письма И. С. Тургенева к К. К. Случевскому — «До сих пор Базарова совершенно поняли, т. е. поняли мои намерения, только два человека — Достоевский и Боткин» [1, 59]. О том, что сказал по поводу Базарова В. П. Боткин, неизвестно. Однако мы знаем, какую оценку давал ему Ф. М. Достоевский. В очерке «Зимние заметки о летних впечатлениях» он писал о реакции критики «Современника», и иже с ними, в адрес И. С. Тургенева и его романа: «Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), не смотря на весь его нигилизм» [4, 59].

Достоевский подметил очень верно: сюжет романа построен таким образом, что мы видим, как вроде бы практичным, рациональным, лишенным всяких лишних эмоций нигилистом постепенно овладевает беспокойство, которое в итоге превращается во всепоглощающую тоску.

Первые явные признаки внутренних метаний мы замечаем во время посещения Евгением и Аркадием дома Одинцовой. «В Базарове, к которому Анна Сергеевна очевидно благоволила, хотя редко с ним соглашалась, стала проявляться небывалая прежде тревога: он легко раздражался, говорил нехотя, глядел сердито и не мог усидеть на месте, словно что его подмывало» [5, 86]. Удивляясь самому себе, герой начинает сомневаться в том, что еще вчера принимал без сомнений. Так, например, только недавно рассуждая о том, что люди отличаются друг от друга не более, чем деревья, он заявляет Одинцовой: «Может быть, вы правы; может быть, точно, всякий человек — загадка» [5, 91]. После разрыва с Анной Сергеевной это состояние усиливается. Видимо, именно попытки его преодолеть и приводят Базарова, вопреки всем его убеждениям, к такому легкомысленному увлечению Фенечкой. Как мы помним, это не заканчивается для Евгения ничем хорошим. Он продолжает испытывать душевные муки. Воз-

вращаясь домой к родителям, Базаров пытается забыть в работе, но и это не помогает: «лихорадка работы с него соскочила и заменилась тоскливой скукой и глухим беспокойством. Странная усталость замечалась во всех его движениях, даже походка его, твердая и стремительно смелая, изменилась» [5, 171].

Параллельно с этой все усиливающейся тоской в Базарове развивается другое чувство. Его мучит злоба, которую не могут заглушить даже общение с любящими родными или же воспоминания безмятежного детства. Лежа вечером в кровати, он не может заснуть: «Широко раскрыв глаза, он злобно глядел в темноту: воспоминания детства не имели власти над ним» [5, 113]. Со всей очевидностью и силой это состояние души главного героя проявляется в сцене на сеновале. После его знаменитого монолога об ощущении одиночества между ним и Аркадием происходит сцена: «...что подеремся? — подхватил Базаров... — Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло... Базаров растопырил свои длинные и жесткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» [5, 122–123].

Как мы помним, повествование романа заканчивается смертью героя. Безусловно, такой финал является своеобразным апофеозом душевного состояния Базарова.

На причину своей тоски и злобы Базаров с горечью намекает Аркадию: «Видишь, что я делаю: в чемодане оказалось пустое место, и я кладу туда сено; так и в жизненном нашем чемодане; чем бы его ни набили, лишь бы пустоты не было» [5, 169]. Вот что мучит Базарова, — сердечная пустота. В чем же ее причина?

Первое, что приходит на ум, — неудачный роман. Душа требует любви, тянется к другому человеку, но получить желаемого не может. Еще убедительней звучит предположение о том, что Базаров не может реализовать себя на поприще служения народу, ведь, как сам он замечает, лежа на смертном одре: «Я нужен России... Нет, видно не нужен» [5, 183]. Иными словами, герой ощущает себя «лишним человеком». Безусловно, все это немаловажные факторы и они сыграли значимую роль в судьбе героя. Однако, если присмотреться, можно увидеть, что все же не они являются определяющими в его трагедии. Тоска Базарова уходит своими корнями много глубже.

Намек на внутреннюю неудовлетворенность героя мы можем смутно ощутить уже в самом начале произведения, еще до встречи с Одинцовой. Уже при первом знакомстве становится очевидным, что в Базарове живет какое-то страстное желание овладеть всяким внешним объектом, взять его под кон-

троль своих ощущений и мысли. Именно отсюда его любовь к естественным наукам, стремление рассечь, разложить, выяснить, как все устроено. Именно отсюда его вульгарно физиологические объяснения всего происходящего вокруг, объяснения, из которых вытравлено все, что невозможно описать, объяснить, ощупать инструментом, руками или своим умом. Базаров словно находится в постоянном стремлении найти в этой жизни нечто надежное, гарантированно стабильное. Поэтому он резко отрицательно относится ко всякому знанию, которое основывается не на проверяемых опытом данных, а на субъективных переживаниях и оценках; «не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип» [5, 25]. Его не удовлетворяют ни слова, ни философия, ни политические декларации. Ведь все это в каком-то смысле субъективно, непредсказуемо, неконтролируемо, а потому эфемерно и ненадежно. Из спора с Павлом Петровичем Кирсановым становится очевидным, что все это он испробовал и не получил ожидаемого результата [5, 50–51]. Потому Базаров и осуществляет свой поиск при помощи, как ему кажется, весьма эффективного инструмента, имя которому всеотрицание. Этот нигилизм пронизывает все сферы жизни героя. При его помощи Базаров словно отсекает все ненужное, чтобы обрести главное, — а именно то, что можно положить в основу своей жизни, что, наконец, сможет дать ему удовлетворение.

Очевидно, что какое-то время нигилизм помогает Базарову весьма эффективно действовать и контролировать то, что происходит в нем самом и вне его. Это до некоторой степени удовлетворяет ту жажду, которая живет в герое. Однако Тургенев показывает нам именно тот момент, когда «дважды два четыре» просто перестает работать в жизни Евгения. Именно Одинцова становится тем пробным камнем, который обнаруживает всю несостоятельность базаровского нигилизма. Оказывается, что при его помощи нельзя познать истинные основания жизни. Она много глубже, чем просто ее материальные проявления. Есть в ней нечто, что нельзя контролировать ни при помощи чувств, ни при помощи мысли. Именно отношения с Одинцовой заставили Базарова со всей силой ощутить это. С одной стороны, они пробудили в нем жажду чего-то большего, неуловимого. С другой — обнаружили ту глубокую неудовлетворенность, ту гложущую его душу тоску, которая до сих пор незаметно разрасталась в нем и которую он своим нигилизмом и своей активной деятельностью пытался заглушить. Со всей силой это становится очевидным в сцене признания. Именно в этот момент со всей силой обнаруживается душевное состояние героя. «Он задыхался; все тело его видимо трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная

и тяжелая — страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей...» [5, 98]. Позже, оставшись одна и вспоминая события вечера, Одинцова еще раз с ужасом переживает то, что ей открылось в Базарове: «...Она скорее чувствовала себя виноватою. Под влиянием различных смутных чувств... она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие» [5, 99].

Именно с этого момента почва уходит из-под ног Базарова, он начинает постепенно угасать. Выражаясь языком Тургенева, из активного и деятельного Дон Кихота, которому было понятно все и вся, который мог применить свой потенциал, в том числе и на поприще служения народу, он постепенно превращается в пассивного Гамлета. Все сильнее Базаров начинает понимать тщетность всех своих усилий, основанных на весьма непрочных основаниях. Об этом ярко свидетельствуют те диалоги, которые происходят между ним и Аркадием. В них сквозит неподдельное равнодушие ко всему происходящему вокруг. И если взглядеться в них, через это равнодушие проглядывается единственный вопрос, который на самом деле и волнует героя: «А я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» [5, 120–121]. Вот что на самом деле тревожит Базарова. Что дальше? Базаров не видит и не ощущает смысла, который бы оправдал все то, что он делает.

Еще сильнее это экзистенциальное, поистине космическое измерение тоски героя чувствуется в следующих словах: «Я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки! ...я чувствую только скуку да злость» [5, 119].

Сердце Базарова жаждет личной встречи с вечным смыслом, с Богом, в результате которой все обретает осмысленность: отношения с людьми, служение ближнему, собственная внутренняя жизнь, природа. Но вместо этого на него давит безликий и безразличный космос. У Базарова нет личного знания Истины. А потому на вопрос Аркадия «Да правда-то где, на какой стороне?» — он отвечает: «Где? Я тебе отвечу как эхо: где?» Это очень напоминает ответ скептика Пилата Христу: «что есть истина?» Отсюда и ощущение пустоты, а как следствие — тотальная, всепоглощающая тоска, злоба и бездействие. На языке христианской аскетики все

это есть ничто как уныние.

Как это ни парадоксально, именно эта тоска и это всепоглощающее ощущение пустоты есть признак великого сердца Базарова, о котором упоминал Достоевский. Вряд ли подобным недугом будут когда-нибудь мучиться Кукшина или Ситников, эти «продолжатели дела Базарова». Слишком мелкие натуры. У Базарова все иначе. Его сердце так глубоко, что его не могут заполнить ни нигилизм, ни любовь к женщине, ни работа на благо общества. Он хочет жить по-настоящему, жить всей полнотой жизни, а потому и не может полностью удовлетвориться ничем иным, кроме вечного, непреходящего.

На то, что тоска Базарова уходит своими корнями в сферу религиозного, мы встречаем в произведении немало намеков. Первый — уже в самом начале романа. Аркадий рассказывает товарищу историю своего дяди Павла Петровича Кирсанова, в судьбе которого роковую роль сыграла княгиня Р... (Нелли). В молодости Павел Петрович был безумно влюблен в нее. Это была странная особа, которая «с увлечением предавалась всякого рода удовольствиям, танцевала до упаду, хохотала и шутила с молодыми людьми... а по ночам плакала и молилась, не находила нигде покою и часто до самого утра металась по комнате, тоскливо ломая руки, или сидела, вся бледная и холодная, над псалтырем... Что гнездилось в этой душе — Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для нее самой неведомых сил; они играли ею, как хотели...» [5, 31]. Перед разрывом отношений Кирсанов дарит ей кольцо с изображением сфинкса. Это кольцо княгиня Р... возвращает ему перед своей смертью. «Она провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест — вот разгадка» [5, 32]. Очевидно, что рассказ об отношениях Кирсанова и Нелли вводится автором не случайно. Это некая прелюдия к той трагедии, которая развернется на страницах произведения. В общих чертах судьба княгини напоминает судьбу Базарова. Та же непонятная тоска, то же влияние на людей, та же смерть в молодом возрасте. Можно предположить, что перед нами двойник героя, который дает ключ к разгадке тайны личности Базарова. Вряд ли, конечно, Тургенев мыслит крест, прочерченный на сфинксе (загадке), в строго христианском смысле. Однако на уровне архетипов это вполне допустимо. Тогда можно представить себе Базарова Эдипом, который разгадывает загадку сфинкса-жизни и в конце концов находит разгадку: покой и примирение через крест, то есть через страдание и смерть.

Еще один эпизод, который также можно рассматривать как намек на причину тоски главного героя, — разговор, произошедший между Евгением и Аркадием по дороге к Одинцовой. «Поздравь меня, — воскликнул вдруг Базаров, — сегодня 22-е июня, день моего ангела. Посмотрим, как-то он обо

мне печется» [5, 75]. Несмотря на то, что в устах Базарова чувствуется ирония, вызов, его замечание — яркое свидетельство того, что произошедшее с ним у Одинцовой не случайность. Как мы помним, именно здесь терпит крах его нигилизм — в душе просыпается беспокойство и тоска. Возможно, это и вся дальнейшая судьба героя и есть ответ святого на его вызов. Небесный покровитель Базарова — священикомученик Евсевий Самосатский. В своей статье Ю. В. Лебедев указывает на очевидные параллели в судьбах героя и его небесного покровителя [5, 201]. Мученик Евсевий был человек образованный и боролся с невежеством ереси Ария. Обходил города в одежде воина, как Евгений в одежде лекаря — деревни, и погиб от руки женщины-арианки, как Евгений, в судьбе которого роковая последовательность событий, приведших его к смерти, началась с женщины, Одинцовой. Как и мученик Евсевий, который простил свою убийцу, Базаров примиряется со всеми на смертном одре. Не является ли все это тем самым попечением и заботой неба о судьбе Евгения? Кстати, важно, что и в конце романа, когда Одинцова приезжает к умирающему Базарову, отец героя кричит: «Жив еще, жив мой Евгений и теперь будет спасен! Жена! жена!... К нам ангел с неба...» [5, 181]. Для Базарова Одинцова — посланница неба, ведь именно с нее началось возвращение Евгения, не побоимся сказать, к Богу. Как замечали исследователи, само имя ее, которое с еврейского языка переводится как «благодать», приобретает в этом контексте символическое значение [7, 184–185].

В этом контексте важное значение приобретает описание имения Одинцовой: «Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме, в недалеком расстоянии от желтой каменной церкви с зеленою крышей, белыми колоннами и живописью *al fresco* над главным входом, представлявшею «Воскресение Христово» в «итальянском» вкусе. Особенно замечателен своими округленными контурами был распростертый на первом плане смуглый воин в шишаке... Господский дом был построен в одном стиле с церковью...» [5, 75–76]. Слава Христа и пораженный этой славой языческий солдат — вот что бросается в глаза. Может ли быть эта деталь случайной? Может быть, именно слава Христа поманила нигилиста Базарова, разбудив в нем тоску по вечному смыслу?

Но почему же тогда все заканчивается так печально? Почему Тургенев не показывает нам преодоления кризиса, обновления героя? Многие исследователи романа дают однозначный ответ: в той России, в которой жил Базаров, он еще никому не был нужен, а потому и в жизни ему места нет. Безусловно, в этом есть большая доля правды. Однако, опять же, нельзя упускать из виду уровень экзистенциальный.

Трагедия Базарова — трагедия человека, обладающего могучей натурой. Жизнь его души богата

и разнообразна в той же мере, в какой силен и противостоятелен его ум. Но проблема в том, что нигилизм Базарова стал своеобразной интеллектуальной уздой, которая держала под контролем всякое движение его сердца, не только низкое, но и возвышенное, святое. Он так измучил себя всеотрицанием, выработал в себе к этому такой глубокий навык, что возможности исцеления здесь, еще при этой жизни, нет никакой. Нигилизм Базарова намертво вьелся в его натуру. Одна ее часть и рада бы от него избавиться, да не может. Ведь у Базарова все глубоко, по-настоящему. Отсюда и страдания. Сердце хочет любви, любви, которая бы коренилась в вечности, а натренированный рассудок его одергивает. В этом смысле показателен диалог Базарова с Аркадием: «Что ж? и честность — ощущение? — Еще бы! — Евгений! — начал печальным голосом Аркадий. — А? что? не по вкусу? — перебил Базаров. — Нет, брат! Решился все косить — валяй и себя по ногам!» [5, 121]. Каждый раз, когда Базаров тянется к человеку, к Богу, он вынужден «бить себя по ногам». И этот внутренний разлад будет только усугубляться, а потому герой просто обречен на душевные терзания.

У христианских богословов есть замечательная мысль: порой смерть не наказание Божие, а скорее милость. Это избавление от греха, который мучает человека и обрекает его влачить жалкое унылое существование. Во многих случаях для них этот момент перехода становится очищением, моментом примирения и с самим собой, и с людьми, и с Богом, момент долгожданного избавления, катарсиса.

Безусловно, именно этот архетип находится в основе творческого решения Тургенева относительно судьбы Евгения. Его метания по жизни, его тоска — путь и подготовка к окончательному очищению и примирению. Чем ближе к смерти, тем сильнее смягчается герой. В качестве примера можно привести сцену последней беседы отца и сына: «Евгений! — произнес он наконец, — сын мой, дорогой мой, милый сын! ... — Что, мой отец?» [5, 180]. Это уже не тот циничный Базаров. В его словах чувствуется не сарказм, не скепсис, но высокие, библейские интонации. В его образе начинает проступать что-то качественно новое.

Все разрешается окончательно в смерти героя. Базаров, хоть и отказывается от Причастия, но все же не категорично, возможно, надеясь на выздоровление. «Нет, я подожду, — перебил Базаров. — Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и беспамятных причащают» [5, 180]. Очевидно, что его можно понимать и так, что он дает согласие на то, чтобы его могли причастить и в беспамятном состоянии.

О том, что в душе главного героя происходят коренные изменения, может свидетельствовать и один из самых важных эпизодов романа — эпизод

соборования. «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» [5, 183]. То, что Базаров не смог сделать своими собственными силами, помогла сделать смерть. Только в ее горниле герой смог испытать потрясение, способное преодолеть разлад, который пустил в его душе такие глубокие корни. Отпечаток на лице Базарова, который так напомнил ужас, можно понимать именно как указание на это потрясение. Это кульминация мучительного обновления, преодоление ветхого человека новым перед лицом вечности.

Для Базарова смерть послужила к исцелению, примирению с самим собой и окружающими, удовлетворению той глубокой тоски, которая мучила его на протяжении жизни. О том, что Тургенев мыслил его смерть именно так, со всей очевидностью свидетельствуют последние строки романа. Старик-родители приходят на могилку сына помолиться об упокоении его души. «Неужели их молитвы и слезы бесплодны? — пишет Тургенев, — Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [5, 187].

Можно сколько угодно спорить об уместности тех или иных интерпретаций при работе с сочинением Тургенева. Однако очевидно, что роман «Отцы и дети», как подлинное произведение мировой классики, может и должен быть прочитан не просто как история о противостоянии дворянского и разночинного сословий, но в первую очередь как история человеческой души, которая тоскует о Боге, и в итоге, пусть и не в этой жизни, но все же обретает мир и вечный покой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Письма в 18 т. / И. С. Тургенев. — М.: Наука. Т. 5. 1988. — 640 с.
2. Новикова-Строгонова А. А. Христианский мир И. С. Тургенева / А. А. Новикова-Строгонова. — Рязань: Зерна-Слово, 2015. — 336 с.
3. Конышев Е. М. Христианские мотивы в творчестве Тургенева / Е. М. Конышев // Ученые записки Орловского государственного университета. — Орел. — 2008. — №1. — С. 175–186.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Л.: Наука. Т. 5. 1973. — 405 с.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем

в 30 т.: Сочинения в 12 т. / И. С. Тургенев. — М. : Наука. Т. 7. 1981. — 560 с.

6. Лебедев Ю. В. По поводу одной реплики Базарова / Ю. В. Лебедев // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. — М., 1982. — С. 199–202.

7. Бельская А. А. Крест и роза в художественном про-

странстве «Отцов и детей» И. С. Тургенева / А. А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. — Орел. — 2014. — № 1. — С. 184–192.

8. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.: Письма в 18 т. / И. С. Тургенев. — М. : Наука. Т. 2. 1987. — 624 с.

Московская духовная академия

Барицкий Д. С., доцент кафедры филологии

E-mail: Baricky1981@yandex.ru

Moscow Theological Academy

*Baritskii D. S., Associate Professor of the Philology
Department*

E-mail: Baricky1981@yandex.ru